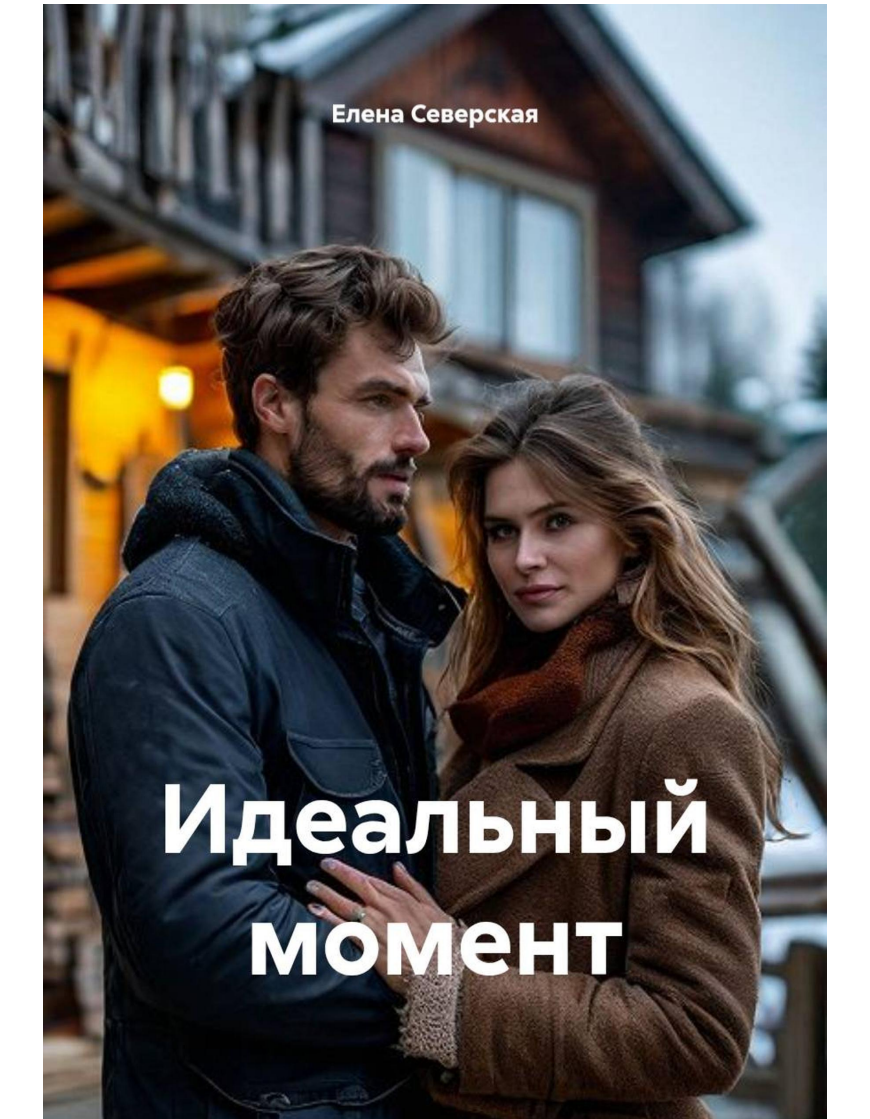

A romantic couple is featured in a winter setting. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a dark blue jacket. The woman, on the right, has long brown hair and is wearing a brown coat with a thick scarf. They are standing in front of a rustic wooden cabin with warm interior lights visible. The overall mood is cozy and intimate.

Елена Северская

Идеальный момент

Елена Северская

Идеальный момент

<https://litres.ru/74276182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история — не о любви, которая победила.

Эта история — о любви, которая осталась.

О словах, которые мы не говорим.

О моментах, которые мы откладываем на завтра.

О том, что завтра может не наступить.

Вы узнаете себя в ней.

Потому что каждый из нас хоть раз молчал, когда нужно было говорить.

Каждый ждал «подходящего момента».

И каждый потом сжимал в руке что-то маленькое ненужное, но такое родное, что без него невозможно дышать.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Северская

Идеальный момент

Глава

Глава 1, в которой я еду по просьбе сына и вместо неудачника встречаю человека, который переворачивает мою жизнь

Я стояла у окна своего кабинета на двадцатом этаже и смотрела на город. Ноябрь в этом городе был временем, когда всё замирает, когда дожди смывают с улиц последние следы тепла, когда люди становятся серыми и незаметными, как тени. Я смотрела на этот серый, мокрый город и думала о том, что моя жизнь похожа на него — ровная, предсказуемая, лишённая всякой надежды.

За моей спиной на столе лежали папки с делами. Семь исков, три банкротства, один развод. Я помогала людям разбивать руины их жизней, но сама жила в идеальном порядке. В моей квартире не было беспорядка, в моём графике — пропусков, а в моём сердце — места для хаоса. Я была юристом, женщиной, которая умела держать удар, которая не позволяла себе слабостей, которая жила по правилам, которые сама

же и создала.

Но в тот день всё изменилось.

Завибрировал телефон. На экране высветилось имя моего сына — Дима. Он никогда не звонил в рабочее время без причины, и я сразу поняла: что-то случилось.

— Мам, — голос его был хриплым, как будто он не спал несколько ночей, — ты занята?

Я отложила папку с делом о банкротстве сети ресторанов. Пусть подождёт. Рестораны всегда подождут, а сын — нет.

— Рассказывай, — сказала я, стараясь, чтобы голос мой звучал спокойно, хотя внутри уже зарождалась тревога.

— Понимаешь, — начал он, и в голосе его послышалась такая усталость, что у меня сжалось сердце, — у моего начальника фирма рухнула. «СтройГарант». Поставщики привезли бракованный бетон и гнилую арматуру. Застройщик подал иск, компания развалилась за месяц. Он сейчас один, пытается разобраться с долгами. Мам, он хороший мужик, просто не повезло. Я не знаю, что ему делать. У него никого нет. Только я. И ты.

Я слушала его голос — этот голос, который я знала с самого его рождения, который всегда был для меня самым важным звуком в мире. Я слушала и чувствовала, как он дрожит, как он пытается сдержать слёзы, как он боится за этого человека. Мой сын, который всегда был таким сильным, таким уверенным, сейчас казался мне маленьким мальчиком, который потерялся в толпе.

— Он хороший человек, мам, — повторил Дима. — Я работаю у него уже три года. Он никогда не обманывал, всегда платил вовремя, всегда заботился о своих рабочих. Он попал в эту ситуацию не по своей вине. Поставщики обманули его. И теперь он один. Совсем один.

Я молчала. Я смотрела в окно на серый город и думала о том, что я никогда не была матерью, которая бросается на помощь каждому, кого просит её сын. Я была практичной, рациональной, холодной. Но в голосе Димы было что-то такое, что я не могла игнорировать. Страх. Отчаяние. Надежда. Он верил в этого человека. И я верила своему сыну.

— Хорошо, — сказала я. — Дай мне адрес. Я поговорю с ним. Как юрист. Как специалист по банкротствам.

— Спасибо, мам, — выдохнул он, и я услышала, как с его души упал камень. — Только не говори, что я тебя просил.

Он гордый. Он не любит, когда его жалеют. Скажи, что я просто дал твой номер, что ты сама предложила помочь.

— Хорошо, — сказала я. — Я скажу.

Я записала адрес, который он продиктовал. Положила трубку. Взяла пальто, сунула в сумку блокнот и вышла из кабинета.

В такси я сидела и смотрела на проносящиеся мимо улицы. Серый ноябрьский город, мокрый асфальт, люди с зонтиками, которые спешили укрыться от дождя. Я думала о том, что я ожидаю увидеть. Мужчина средних лет, раздавленный жизнью. Старый, толстый, с опухшим лицом и пустыми глазами. Я видела таких сотни за годы своей практики — люди, которые потеряли всё и превратились в тени. Мне было их жаль, но профессиональный цинизм давно притупил это чувство. Я научилась не впускать их в своё сердце.

Такси остановилось. Я подняла голову и замерла.

Мы стояли у ворот красивого трёхэтажного таунхауса в престижном районе. Кирпичный фасад, большие окна, ухоженный сад. Дом выглядел дорого и солидно, как будто он помнил лучшие времена и не хотел показывать, что они ушли навсегда. Я смотрела на этот дом и не верила своим

глазам. Дима говорил о разорившемся начальнике, о долгах, о том, что он один. Но он не говорил, что тот живёт в таком доме.

— Вы уверены? — переспросила я, глядя на табло. — Может, адрес другой?

— Тут написано, — пожал плечами водитель. — Третий дом по улице.

Я вышла из машины. Сердце колотилось. Я подошла к калитке. Нажала на звонок. Тишина. Нажала ещё раз.

За дверью послышались шаги. Тяжёлые, уверенные. Дверь открылась.

Я обомлела.

На пороге стоял мужчина. Высокий, очень высокий — под два метра ростом. Широкие плечи, спортивная фигура, как у человека, который привык работать руками. Тёмные волосы с благородной сединой на висках, аккуратная щетина, правильные черты лица. И глаза. Голубые, яркие, с искорками, которые, казалось, видели всё насквозь.

Он улыбнулся. И от этой улыбки у меня перехватило ды-

хание. В этой улыбке было столько тепла, столько жизни, столько силы, что я забыла, где я и зачем я здесь.

— Здравствуйте, — сказал он. Голос глубокий, спокойный. — Вы мама Димы?

Я стояла и смотрела на него. Я не могла говорить. В голове моей проносились тысячи мыслей. Я ожидала увидеть сломленного, опухшего неудачника, а передо мной стоял мужчина, от которого у любой нормальной женщины подкашиваются колени. Идеально сложенный, ухоженный, с открытой улыбкой.

— Да. — Я сглотнула. — Он сказал, вам нужна консультация. Я юрист.

— Заходите, — он отступил в сторону. — Только предупреждаю: чая не будет. Чайник сдох.

— Я не пью чай.

— А я и не предлагал, — усмехнулся он.

Я переступила порог и оказалась в просторном холле. Мраморный пол, лестница на второй этаж, большая хрустальная люстра. Дом был шикарным, дорогим, но я сразу

заметила странность: на стенах не было картин, в углах стояла пустота. Мебель была хорошая, но на ней не было никаких личных вещей. Ни фотографий, ни безделушек. Дом был красивым, но пустым. Как дорогой мавзолей, в котором нет никого, кроме призраков прошлого.

— Проходите в гостиную, — сказал он, жестом приглашая меня за собой. — Чай? Кофе? Простите, у меня только вода, чайник, кажется, сломался. Я сам не пью чай, а гости у меня бывают редко. Очень редко.

Я села на кожаный диван. Он сел напротив, и я снова поразилась его внешности. Высокий, поджарый, с правильными чертами лица. И эти глаза — голубые, как море, как небо, как что-то бесконечно далёкое и прекрасное.

— Дима сказал, у вас проблемы с документами после банкротства, — начала я, стараясь взять себя в руки и не плясать на него. — Расскажите подробнее.

Он усмехнулся, но в усмешке промелькнула такая горечь, что у меня сжалось сердце.

— Фирма рухнула, — сказал он. — Долгов много. Я пытаюсь разобраться, но... я строитель, а не юрист. Я не знаю, с какой стороны подойти. Я пытался найти выход, но, кажется,

я зашёл в тупик.

Он говорил спокойно, ровно, без надрыва. Внешне он выглядел абсолютно уверенным в себе человеком. Хорошая одежда, ухоженный вид, уверенная поза. Никто бы не сказал, что у него проблемы. Но я заметила: он чуть заметно теребил край рубашки. И взгляд иногда уходил в сторону. Он стеснялся. Ему было неловко признаваться, что он в беде. Он не хотел показывать свою слабость.

— Покажите мне документы, — сказала я. — Всё, что у вас есть.

Он принёс папку. Мы сели за стол, и я начала изучать бумаги. Цифры были огромные. Долги перед банками, проценты, пени. Коммунальные платежи — он не платил уже полгода. Долг рос как снежный ком. Я смотрела на эти цифры и понимала: он на грани. Он потерял всё, но пытается держать лицо.

— Марк, — я впервые назвала его по имени, — здесь очень серьёзные суммы. У вас есть план, как их погасить? Вы понимаете, что если не решить этот вопрос, вы потеряете всё? Этот дом, эту жизнь, всё?

Он опустил глаза. Впервые за весь разговор я увидела в

нём неуверенность. Он смотрел на свои руки, на стол, на окно — куда угодно, только не на меня.

— Я пытаюсь продать этот дом, — сказал он тихо. — Уже два года пытаюсь. Риэлторы брались, рекламировали, возили покупателей. Никому он не нужен. Дорогой, большой, уход дорогой. Люди сейчас хотят квартиры поменьше. А этот дом... он для семьи. Для большой семьи. А у меня больше нет семьи.

Он сказал это, и я увидела, как дрогнули его губы. Он пытался сдержать себя, но я видела: ему больно. Ему невыносимо больно говорить об этом. Он не хотел показывать свою слабость, но она прорывалась сквозь его слова, сквозь его голос.

— Вы не один, — сказала я тихо. — Я помогу вам.

Он поднял голову. В его глазах блеснула такая надежда, что у меня перехватило дыхание.

— Вы правда думаете, что у нас получится? — спросил он.

— Я не думаю, — сказала я. — Я знаю. Я продавала и не такие дома. Расскажите мне всё, что вы знаете об этом

доме. Каждый кирпич, каждую балку. Люди хотят покупать не просто стены. Они хотят покупать историю.

Я не знала тогда, что эта история станет моей. Что я уеду на юг, в его деревянный дом, и что он не успеет сделать мне предложение. Я не знала, что я останусь одна, с зажигалкой в руке и пустотой в сердце. Я не знала, что я буду любить его до конца своих дней.

Но я знала одно: я не могу уйти. Я не могу оставить его одного.

И я осталась.

Глава 2, в которой я вижу его пустой холодильник и слышу его исповедь, и душа моя переворачивается

Мы работали до вечера.

Я изучала документы, делала пометки, задавала вопросы. Он отвечал терпеливо, хотя я видела, как он устал. Как ему трудно говорить о своих долгах, о своих ошибках, о своей жизни, которая пошла под откос. Внешне он держался — улыбался, говорил спокойно, даже шутил иногда. Но я видела: за этой улыбкой скрывается бездна. Он не хотел показывать свою слабость. Он не хотел, чтобы я знала, как ему

больно.

Я не знаю, зачем я это сделала. Может быть, я почувствовала что-то. Может быть, я просто хотела увидеть его настоящего. Я встала и сказала:

— Покажите кухню, — сказала я.

— Зачем?

— Хочу убедиться, что вы не умрете до того, как мы разберёмся с документами.

Он хотел возразить, но я уже шла в ту сторону.

— Я справлюсь, — сказал он мне в спину. — Я всегда справлялся.

Он хотел возразить. Я видела, как он открыл рот, чтобы сказать что-то, но потом закрыл его. Он понял, что я не отступлю. Он понял, что я вижу его насквозь.

Мы прошли на кухню. Большая, светлая, с дорогой техникой — такой, какая бывает в домах, где когда-то жили люди, которые могли позволить себе всё. Но я открыла холодильник.

Пусто. Вода. Горчица. И больше ничего.

Я обернулась и посмотрела на него. Он стоял в дверях и смотрел в пол. Ему было стыдно. Ему было невыносимо стыдно, что я увидела его нищету.

Я открыла холодильник. Пусто. Горчица.

Обернулась.

— Ну да, — сказала я. — Вижу, как вы справляетесь. Горчицу ложкой едите?

Он молчал. Смотрел в пол.

— Завтра привезу продукты, — сказала я. — Не спорь.

— Не надо, — тихо сказал он.

— Я сказала — не спорь, — повторила я.

Я смотрела на него и чувствовала, как у меня разрывается сердце. Он был так красив, так силен, так горд. И в то же время он был так слаб, так незащищен, так одинок. Он стоял передо мной, и я видела, как он борется с собой. Как он

пытается сохранить лицо, как он пытается не заплакать.

— Я приеду завтра с продуктами, — сказала я, и голос мой дрогнул. — И мы начнём работать. По-настоящему.

Он поднял голову. В его глазах блеснула благодарность. Но он не сказал «спасибо». Он не мог. Он не мог признать, что ему нужна помощь. Он не мог сдаться.

— Не надо, — сказал он тихо. — Я справлюсь. Я всегда справлялся.

— Вы не справляетесь, — сказала я. — И это нормально. Вы просто человек, который попал в плохую ситуацию. Но я помогу вам. Я не могу смотреть на это спокойно. Я не могу знать, что вы голодаете.

Он смотрел на меня долго. Слишком долго. Я видела, как в его глазах борются гордость и отчаяние. Гордость кричала: «Не бери, ты не нищий! Ты не должен принимать помощь от женщины, которую видишь второй раз в жизни!» Отчаяние шептало: «Возьми, ты умираешь. Ты не ел горячей еды уже неделю. Ты не можешь больше так жить».

Отчаяние победило.

— Идёт, — сказал он. — Я верну вам всё. До копейки.

— Я знаю, — сказала я.

Я ушла. Но весь вечер я думала о нём. О его голубых глазах и пустом холодильнике. О его гордости и его стыде. О том, как он стоял и смотрел в пол, потому что не мог позволить себе купить еду. Я сидела в своей пустой квартире, пила чай и думала о нём. О том, как он смотрел на меня, когда я сказала, что приеду завтра. О том, как он не хотел принимать помощь, но принял. О том, как он не хотел сдаваться, но сдался. Он был сильным. Но он был человеком.

И я любила его. Я уже любила его. Я поняла это в тот вечер, когда сидела на своей кухне и смотрела на чашку с остывшим чаем. Я поняла это, когда поняла, что не могу уснуть, потому что думаю о нём. Я поняла это, когда поняла, что я хочу быть рядом с ним. Что я хочу помочь ему. Что я хочу спасти его.

На следующий день я приехала с двумя сумками продуктов. Хлеб, молоко, яйца, крупы, макароны, консервы, мясо. Всё, что нужно, чтобы не умереть с голоду.

Дверь открыл он. Увидев меня с сумками, он хотел возразить, но я перебила:

— Это аванс. Когда вы продадите дом, вы вернёте мне всё до копейки. Идёт?

Он посмотрел на меня, и я увидела, как он борется с собой. Но он уже принял решение вчера. Он кивнул.

— Идёт, — сказал он.

Я прошла на кухню, разложила продукты. Он стоял в дверях и смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд на своей спине. Он был тяжёлым, тёплым, полным благодарности и стыда.

— Садитесь, — сказала я. — Я сварю суп, а вы расскажете мне свою историю.

Он сел за стол. Я включила плиту. И он начал говорить.

Сначала нехотя — короткими фразами, как будто каждое слово давалось ему с трудом. Но потом, как вода, прорвавшая плотину, его речь стала свободнее, глубже, больше. Он говорил о том, как строил этот дом — каждый кирпич, каждую балку. Как работал день и ночь, чтобы у его семьи был дом, который будет стоять веками. Чтобы они никогда ни в чём не нуждались.

— Я хотел, чтобы у них было всё, — говорил он, и голос его дрожал. — Чтобы они никогда ни в чём не нуждались. Я строил этот дом для них. Для Алисы. Для Саши и Миши. Я думал, что если у нас будет этот дом, мы будем счастливы. Я думал, что дом — это гарантия счастья. Я ошибался.

Потом речь пошла об Алисе. О том, как она была прекрасна, как она улыбалась, когда они въезжали в новый дом. Как она рожала ему сыновей — Сашу и Мишу. Как она была его опорой, его надеждой, его жизнью.

— Я любил её, — говорил он, и я видела, как его глаза наполняются слезами. — Я любил её так, как не любил никого. Она была для меня всем. Я думал, что мы будем вместе до конца. Я думал, что мы состаримся в этом доме, что наши дети будут приходить к нам с внуками, что мы будем счастливы. Я думал, что у нас есть будущее.

— А потом пришёл бракованный бетон. — Он усмехнулся. — Гнилая арматура. Иск. И через месяц — ничего. Фирмы нет. Денег нет. Репутации нет.

Он поднял на меня глаза.

— И Алисы нет.

Он замолчал. Я видела, как он переживает тот день. Как он стоит в своём кабинете и смотрит на бумаги, которые говорят ему, что он банкрот. Как он звонит партнёрам, а они не берут трубку. Как он приходит домой и видит Алису, которая смотрит на него холодными глазами.

— Она сказала: «Я не подписывалась на это», — говорил он, и голос его стал глухим, как будто он говорил из глубокого колодца. — Она сказала: «Я не подписывалась на нищету». Она сказала: «Я не буду жить с неудачником». И ушла. Забрала детей и ушла к матери.

Он замолчал. Я смотрела на него и видела, как он переживает тот день. Как он стоит в дверях своего дома и смотрит, как уходит его жизнь. Сначала жена, потом дети, потом деньги, потом надежда. Он остался один. В этом огромном доме. С долгами и пустотой.

— Дети не знают, — сказал он.

Смотрел в окно, не на меня.

— Что я голодаю. Что доедаю горчицу ложкой. Не хочу, чтобы знали.

— Теперь я знаю, — сказала я.

— А ты не жалеешь, — сказал он. Посмотрел на меня. — Все жалеют. А ты просто делаешь. Почему?

— Потому что жалость не помогает, — сказала я. — А суп помогает.

Он усмехнулся.

Уезжаю

— Ты странная.

— Я юрист. Мы все странные.

Мы просидели до вечера. Он рассказывал, я слушала. И в какой-то момент я поняла: я больше не хочу уходить. Я хочу остаться здесь, в этом пустом доме, с этим мужчиной, у которого нет ничего, кроме долгов и пустоты. Я хочу остаться с ним.

Глава 3, в которой я продаю его дом, и он уезжает, оставляя мне зажигалку, которую забыл в кармане куртки

Год мы работали вместе. Я приезжала к нему почти каж-

дый день. Мы разбирали документы, строили стратегии, подавали иски. Он учился доверять мне. Я училась не смотреть на него слишком долго, потому что каждый раз, когда я видела его голубые глаза, я забывала, зачем пришла.

Внешне он был всё тем же красивым, статным мужчиной. Но я видела его настоящего. Я видела, как он просыпается ночью от кошмаров. Как сжимает кулаки, когда говорит о долгах. Как стесняется того, что не может купить себе нормальную еду. Я видела его слабость, его уязвимость, его боль. И я любила его за это.

Он пытался продать дом. Но риэлторы не могли. Два года они возили покупателей, показывали дом, рассказывали о его достоинствах. Но дом был слишком большим, слишком дорогим в обслуживании, слишком... одиноким. Никто не хотел покупать дом, в котором чувствовалась пустота.

— Я не знаю, что делать, — говорил он однажды вечером. Мы сидели на кухне, пили чай — теперь у него был чай, я купила его вместе с продуктами. — Я уже отчаялся. Мне кажется, я умру в этом доме. Один.

— Ты не умрёшь, — сказала я. — Ты продашь этот дом и начнёшь новую жизнь.

— Ты думаешь?

— Я знаю.

Я написала новое объявление. Я не знаю, зачем я это сделала. Может быть, я хотела помочь ему. Может быть, я просто хотела быть рядом с ним. Я написала так, как пишут о доме, который был домом. Я рассказала историю — историю человека, который построил этот дом своими руками, который вложил в него душу, который хотел, чтобы здесь жили и любили. Я разместила объявление на Авито. Через месяц пришёл покупатель. Через две недели дом был продан.

Он стоял у ворот и смотрел, как уезжают новые хозяева. Я видела, как он сжимает кулаки, как пытается сдержать слёзы. Я подошла к нему.

— Ты сделала это, — сказал он. — Ты продала мой дом.

— Мы продали его, — поправила я.

Он обнял меня. Крепко, как будто прощаясь навсегда. Я чувствовала его запах — табак, усталость, надежду.

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо, что не ушла.

После продажи дома он отдал часть денег Алисе и детям. Остальное взял себе и купил старый деревянный дом на юге, у моря.

Мы встретились на вокзале. Он стоял с чемоданом и смотрел на меня. Ветер шевелил его волосы. Глаза его были грустными.

— Ну что, — сказал он. Чемодан в руке, ветер в волосах.
— Уезжаю.

— Вижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.